

Забывтый путь Богопознания

Знамение нашего времени — христианское движение молодежи. Ничего подобного мы раньше не знали. Молодые люди, алчущие и жаждущие Божией правды, стремятся к объединению, чтобы общими усилиями с разных сторон осветить и найти эту правду. С этой целью устраиваются международные конгрессы, образуются союзы, идет энергичная кружковая работа в различных местах земного шара, издается специальный печатный орган. Все это не может не радовать верующих людей, не забывших довоенного и предреволюционного, почти поголовного, нигилизма и атеизма нашей русской интеллигенции и являющихся свидетелями страшной всероссийской катастрофы, как результата этих модных течений...

Но когда знакомишься ближе с тем, чем занимаются по большей части члены этого христианского движения и на своих общих, и кружковых собраниях, и в «тиши уединения»; когда перечитаешь письма их, заполненные одними и теми же просьбами — о тех или других руководствах и пособиях к истолкованию Слова Божия; когда продумаешь ряд тем, избранных для докладов, — то невольно переживаешь большую тревогу за всех этих милых, чистых, искренних молодых людей, невольно боишься, чтобы с ними, — не дай Бог, — не случилось того краха душевного, который часто бывал в результате богоискания в среде нашего старшего поколения в наши школьные годы.

Сами собой встают параллели из недавнего прошлого.

Что предлагалось нашей школой — и средней, и высшей — для воспитания у молодых людей религиозной веры? — Кажется, много. В учебных программах мы имели Закон Божий на первом месте, с довольно обширным материалом, для успешного изучения которого многочисленными авторами было написано очень много учебных руководств... И в самой обстановке каждой школы подчеркивалась тенденция поддерживать дух церковности, религиозной настроенности: почти всегда, за редкими

исключениями, была своя домовая церковь; там в будние дни перед началом уроков совершалась для учащихся утренняя молитва своим же священником, а накануне праздников и в самые праздники — вечернее и дневное богослужение; когда же наступал пост, то там же, в школьной церкви, учащиеся и учащие обязательно говели, т.е. постились, молились, исповедовались и причащались Св. Тайн. Не исключениями были и такие школы, в которых энергичными о. о. законоучителями, кроме официальной работы, организовывалась еще неофициальная; устраивались или постоянные богословско-философские кружки, или время от времени ученические собрания для заслушания докладов и решения тех или иных особо важных вопросов... Как будто много делалось. А в результате, за некоторыми исключениями, нигилизм, атеизм у одних, более волевых, решительных натур, и равнодушие («тепло-хладность») у других, ко всему вообще, что касается религии и Церкви. Отдельные единицы, сумевшие сохранить веру отцов и во всеоружии ее вступить в жизнь, конечно, были, но не обязаны были почти всегда не школе, а, или дому, семье, или другим каким-нибудь влияниям.

В свое время по вопросу о том, где, в чем причина таких отрицательных достижений светской школы в религиозном воспитании, много писалось и говорилось. То горячо обсуждался и так или иначе решался вопрос об отметках по Закону Божию: о сохранении их или об отмене; то не менее горячо дебатировалась мысль о том, что это за предмет — учебный или воспитательный; или шла полемика о различных учебниках, их системах, или о том, нужны ли вообще учебники по Закону Божию, не целесообразней ли вести дело без учебников, имея в руках только Откровение, и пр., и пр. И выхода из признаваемого всеми ненормального положения почему-то не находили, до него не договаривались¹.

Не лучше обстояло дело с Законом Божиим и в специальной духовной школе (средней и высшей). Всем, конечно, известно, что официальная, так

¹ См. отчеты педагог. съездов Харьк. и Петроград. учебн. округов 1916 года.

сказать, показанная сторона этой школы зарисована была, сравнительно с светской, в более густых тонах церковности и религиозности, способных внушить мысль всем интересующимся ею о подлинном служении Богу тех, кого она обслуживала. Но при внимательном изучении ее строя становится понятным, почему и она, эта специальная школа, не давала, или почти не давала, нужных результатов.

Чрезвычайно характерны в этом отношении суждения такого видного архипастыря русской церкви, каким был архиепископ Никанор Херсонский. В ответ на статью «Гражданина», написанную по случаю годовщины смерти Чернышевского, в которой автор делает упрек нашей духовной школе за то, что она «всегда производила нигилизм и нигилистов» и потому не сумела использовать, в интересах Церкви, богато одаренной природы Чернышевского, даже оттолкнула его от благодатной церковной ограды, арх. Никанор говорит следующее: «Семинарии, по коренному своему призванию, не могли готовить ни атеистов, ни нигилистов. Семинаристы в 50-х годах так же, как и в 60-х годах, все постоянно упражнялись в благочестии: все поголовно ходили на утреннюю и вечернюю молитву в неотступном присутствии ректора и инспектора. За утренней молитвой ежедневно читалась Библия. Молитвы читались перед началом каждого классного урока и в конце, в начале и в конце обеда и ужина. По воскресным и праздничным дням все без исключения присутствовали за Божьими службами. Два раза в году говели. Присутствовали за всеми преждеосвященными литургиями. Классное преподавание наставников происходило под бдительным надзором ректора и инспектора, тогда монахов. Малейший намек на вольность преподавания преследовался строго и по возможности тотчас же устранялся. За чтением книг, только благонамеренных, строго следил инспектор-монах. Откуда бы тут взяться атеизму»².

² Беседа преосв. Никанора в день св. ап. Андрея Первозв // О значении семинарского образования. Одесса, 1891.

Такова трафаретная обстановка духовной школы. Школа имела своей задачей дать учащимся духовное или религиозное образование, т.е. знание о Боге, о духовном мире и о всем том, что связано с признанием реального бытия этого мира и создает основы для разумного, осмысленного существования здесь, на земле, а оперировала она, как видим, одной формальной — обрядовой стороной. Живого духа, духа христианской настроенности, христианской животворящей и просвещающей любви, христианского подвига самоотречения, **всего того, что способно удостоверить пред еще не окрепшим в вере истинность христианского мировоззрения, здесь напрасно было бы искать.** Отсюда ее минусы, приводившие ее питомцев сначала к разочарованию к школе, в людях, потом к отрицанию в целом всего того учебного материала, который предлагался школой³. Этим, исключительно этим, и объясняется то общеизвестное явление нашего «былого прошлого», что самые убежденные атеисты выходили из бывших воспитанников духовной школы. И для всех, прошедших эту школу, в этом нет ничего неожиданного, потому что они знают, помнят много фактов, резкого, по-молодому, проявления неверия уже там, на ученической или студенческой скамье. Перечисление этих фактов завело бы нас слишком далеко и может быть предметом особой работы. Поэтому, в интересах настоящей статьи, я пока только констатирую их, беря на себя ответственность за их историческую достоверность, и перехожу к выяснению основной причины, обуславливающей всю эту ненормальность нашего духовного или религиозного образования.

Здесь, прежде всего, необходимо выяснить самую природу духовного знания, чтобы после понятными для нас стали своеобразные методы его усвоения.

«Се же есть живот вечный, да знают Тебе Единого Истинного Бога и Его же послал Еси Иисуса Христа» (Ин. XVII, 3).

³ Исключения, конечно, бывали, но они зависели не от школы, ее конструкции, а от отдельных «волею Божию» лиц, ее возглавлявших. См., напр., воспроизведение живых лиц в «Затейнике» Г. Петрова.

Этими словами Своей преосвященнической молитвы, на пороге Своих искупительных страдания, Господь нам Иисус Христос определил содержание и цель всего нашего человеческого существования — временного и вечного. Познание Бога, все более и более углубленное понимание Его свойств и действий, вместе с приближением к Нему и уподоблением Ему (Ср. Мф. V, 48), вот то, чем должен заполнить и осмыслить всю свою жизнь человек. И христианская религия всем своим содержанием идет навстречу этой нашей жизненной задаче, установленной от Бога. Она говорит нам о Боге, как Первоисточнике и Конечной Цели всего существующего; говорит о всем, связанном с Божиим бытием — сверхчувственном, духовном, единственно истинном; говорит и о тех нормах, при соблюдении которых мы только и можем жить нормальной, здоровой, спасительной, богоугодной жизнью, приобщающей нас к жизни потусторонней — вечной и блаженной. Еще христианская богооткровенная религия предлагает для желающих те благодатные сверхчувственные спасительные средства Церкви, которые каждый из нас может использовать через веру в спасительное дело Господа нашего Иисуса Христа, и использовать так, что греховный, зараженный грехом до самых корней своей природы, человек (Рим. VII, 14-25) получает полную возможность к возрождению, к преобразованию себя (Ин. III, 1-21), чтобы явиться перед лицом Божиим, действительно, достойным «нового неба и новой земли, в которых правда живет» (2 Петр. III, 13).

Уже из этой краткой схемы нельзя не видеть, что религиозные знания — особенные, исключительные, непохожие на все другие знания. Предметом их является мир сверхчувственный, духовный. Это мир действительный, не иллюзорный, реально существующий. Но он, как не материальный, совершенно недоступен для наших внешних чувств и для ума, базирующегося на данных этих чувств. В то же время он познаваем, т.е. доступен человеческому пониманию в такой степени, что истинно религиозные люди (нелицемерно религиозные), образованные и

необразованные, имеют право сказать о нем, что они его знают, именно знают, а не принимают только на слепую веру. В этом смысле о религиозном знании, как знании, говорит нам и Откровение, и житийная, и святоотеческая литература, и научно-религиозные исследования. На этом основан сам факт существования богословской науки (науки о Боге), преподаваемой в богословских и светских школах и имеющей самую богатую литературу в мире, которая не всегда, к сожалению, приводит ищущих Бога к познанию Его.

В чем же тайна постижения в области религиозного знания?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я позволю себе воспроизвести один рассказ, где-то прочитанный.

Жили в какой-то пустыни, кажется, египетской, два отшельника, друг друга не зная. Один был грамотный, другой — неграмотный. И непосильно тяжело стало неграмотному в его одиночестве, так как он не мог черпать духовной пищи из Слова Божия. И пошел он по пустыне искать себе учителя, чтобы научиться читать, и набрел на грамотного отшельника. Тот с радостью согласился исполнить просьбу собрата. Молитвенно испросивши у Бога благословение на предстоящее дело, грамотный отшельник раскрыл книгу и начал нараспев, слово за словом, читать, приглашая своего ученика повторять за ним.

«Я Господь Бог Твой, и да не будет у тебя других богов, кроме Меня», — прочитал он.

Учение попросил его повторить то же самое. Тот прочитал еще раз. Учение попросил снова прочитать. Тот еще и еще прочитал. Тогда ученик встал, поблагодарил своего учителя и, сказавши, что для начала этого с него достаточно, ушел к себе, обещая придти, когда выучит урок. Но вот проходит день, другой, потом — недели, месяцы и годы, ученик не являлся к ожидавшему его учителю. Так прошло сорок лет. Учитель давно уже оставил мысль о своем ученике, считая его, после долгих тщетных поисков, где-либо погибшим. И вдруг перед ним снова тот, конечно, иной по своему, теперь

старческому, внешнему облику, но с прежним по юному горячим желанием учиться. На вопрос учителя: что с ним случилось? Почему так долго он не приходил? — тот смиренно ответил, что только теперь, через 40 лет, он успел, наконец, усвоить урок и просил своего учителя продолжить занятия...

Читатель спросит: что все это значит?

Ответ такой?

Религиозные знания суть знания не теоретические, отвлеченные, книжные, а прежде всего практические, опытные, добываемые каждым верующим через личный религиозный опыт в течение всей жизни.

Конечно, не на обучение чтению этих нескольких слов Откровения ушли у отшельника 40 лет его жизни, а на усвоение, опознание того, что в этих словах сообщается человеку, из области богопознания, — опознание не умом только, а всем существом, сердцем, «нутром». 40 лет уединенной сосредоточенной работы вдали от суетливого мира! Не много ли? — А сколько веков, хочется спросить, сколько поколений потребовалось для того, чтобы привести ветхозаветное человечество к признанию истины единобожия? И теперь, при всех кричащих успехах нашей «христианской» культуры, многие ли из нас, христиан, вполне освоились, сжились с **истиной Единого Бога**, Которому **Одному только** наш долг служить, и не уклоняемся ли мы постоянно в сторону служения многим и многим богам-кумирам? ...

А. Чаусов

Болгария

(Продолжение следует)